

ЕВРОПЕЙСКАЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

О.Г. Буховец,

*доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии
Белорусского государственного экономического университета*

(Окончание. Начало в № 1)

Как «верхи» и «низы» воспринимают проблемы Евросоюза

Любой масштабный кризис проливает дополнительный свет на экономический менталитет правящих и интеллектуальных элит, да и среднестатистических жителей различных стран. Наиболее разительными и неутешительными результаты этой «подсветки» кризисом стали для большой группы постсоветских и постсоциалистических государств, принятых в ЕС в 2004 и 2007 гг. В частности, стало куда более очевидным, что в сознании широких слоев населения в бывшем «соцлагере» на место прежней, если не вере, то надежде на «всевидящее око» Госплана пришло, пожалуй, языческое по своей природе представление о том, что «невидимая рука рынка» будет сама собой обеспечивать экономическое процветание. Если немного перефразировать остроумное и образное замечание Я. Щепаньского (президента Международной социологической ассоциации), сделанное относительно Польши 1980-х годов, то окажется, что для решения экономических проблем новых членов Евросоюза «есть, – как выразился он, – два пути: первый – естественный, когда Господь Бог спустится на землю и реформирует их экономику. Второй – противоестественный, когда эту работу сделают ... сами жители этих стран!».

Еще более удивительно, что предрас судки относительно «саморегулирующей» природы «невидимой руки рынка» в массовом порядке разделяли также представители правящих и интеллектуальных элит. Квинтэссенцией их по достоинству может быть признано заключение зам. главного редактора солидной литовской газеты «Ле-

тувас Ритас», заявившего в интервью на радио «Свобода» 4 апреля 2006 г. о том, что «в Литве проблемы уже позади, а в Беларуси все проблемы еще впереди»... Но грянувший вскоре кризис, как оказалось, поставил «проблемы» перед Литвой еще раньше, чем перед Беларусью!

По-детски простодушно, совсем в духе Р. Пайпса, призывавшего «не оставить от советской экономики камня на камне!», в экс-социалистических государствах и странах Балтии поступали с реальным сектором экономики, пуская под нож советские бренды. Грянувший мировой кризис, однако, заставил расстаться с иллюзиями о том, что можно и далее, как говорится, жать, где не сеял!

Поразительно, но кажется, что в коридорах евросоюзной власти, равно как и в соответствующих национальных ведомствах, вообще имеется серьезный дефицит понимания сути ряда знаковых явлений современности. Объясняется он, по нашим наблюдениям, не только, так сказать, искренним непониманием, но и элементарной боязнью осознания того, что совсем еще недавно казалось просто невероятным. Возьмем, к примеру, увеличение стабилизационного фонда ЕС, на которое согласились в конце сентября 2011 г. правительство и бундестаг Германии – основного донора этого фонда. Трезвомыслящих сторонних наблюдателей не могут не озадачивать те чувства облегчения и оптимизма, которые появились в разных странах ЕС после этого решения. Ведь всех этих 440 млрд евро вряд ли хватит даже для урегулирования долговых проблем малых стран еврозоны – Греции, Португалии, Ирландии.

Да и увеличение чрезвычайным саммитом ЕС 27 октября 2011 г. размера стабилизационного фонда до 1 трлн евро мало что решает: ведь для решения аналогичных проблем только Испании и Италии понадобится несравненно больше – 2,7 трлн (!) евро!

Еще один пример. В последние месяцы в связи с нескончаемой «греческой драмой» евросоюзные политики и общественность стали широко обсуждать вопрос о создании своего рода «Плана Маршалла» для спасения Греции. Здесь нельзя не задать вопрос: это благоглупость или издевательство над элементарным здравым смыслом?! План Маршалла, как известно, был предложен в 1947 г. США для восстановления разрушенной в ходе второй мировой войны Европы. Иными словами, предлагая аналогичный план для современной Греции, авторы этой идеи как бы «приравнивают» 30-летнее нахождение указанной страны в ЕС... к самой разрушительной в истории человечества войне!

Пока лидеры стран, входящих в ЕС, в неспешном режиме решают, как им провести «евросоюзный корабль» между Сциллой небывалого долгового кризиса и Харибдой плохих экономических прогнозов (чего стоит одна только пессимистическая оценка 17-ти Нобелевских лауреатов по экономике ближайших перспектив экономического роста), все большее число их избирателей становится евроскептиками. В частности, по результатам опроса, проведенного в конце сентября 2011 г. в Германии, уже более половины респондентов высказались за возвращение немецкой марки (за евро – 48%), а 40% – даже против пребывания их страны в ЕС. Думается, что если все и далее будет идти так, как идет в последние годы, то и французы отдадут предпочтение своему денежному символу предшествующего экономического процветания – франку.

Чем же объясняется столь существенное, динамичное и многомерное ухудшение социально-экономического, политического и духовно-ментального климата в современном Евросоюзе? Думается, здесь мы можем наблюдать *кумулятивный* эффект параллельно действующих факторов, которые обеспечивают друг другу взаимную «накачку». К примеру, «расходящиеся ножницы»

доминирующих в ЕС массовых настроений в пользу примата *межгосударственных* (конфедеральных) структур над предпочтительными для евроэлит *федеративными* – основная причина разразившегося в 2005 г. институционального кризиса. А экономически недостаточно подготовленное «залповое» пополнение союза (серьезно увеличившее его неоднородность), безусловно, вывело на более высокую орбиту и существенно продлило уже сам институциональный кризис. Последний же в большой мере усугубил и течение финансово-экономического кризиса. В свою очередь, продолжающийся финансово-экономический кризис обеспечивает массовизацию в странах ЕС ксенофобских настроений.

Складывается впечатление, что и правящие элиты, и даже большая часть аналитического сообщества ЕС до сих пор еще не провели глубокого и всестороннего анализа тех потрясений, которые, неожиданным для них образом, начались с 2005 г. Это в первую очередь относится и к общему парадоксальному результату беспрецедентного расширения Союза. Мы могли бы его описать формулой, объединяющей подходы российских ученых Ю. Борко и В. Федорова: «Расширение с отрицательным либо «пипеточным» ростом, но без углубления интеграции и народнохозяйственного развития» [1; 9]. Не проведен по «гамбургскому счету» и анализ непосредственных причин и отдаленных следствий провала принятой еще в 2000 г. Лиссабонской программы создания «наиболее конкурентоспособной и динамичной экономики в мире, основанной на знаниях» [1. С. 48].

Государственные деятели и аналитики прогнозируют дальнейшее ослабление стабильности в ЕС, нарастание «евроскептицизма среди политиков». Разногласия между старыми и новыми членами Союза достигли, как показала состоявшаяся в 2007 г. (т. е. еще до начала финансово-экономического кризиса) встреча его руководителей в Брюсселе, опасного уровня. Обычно не склонный впадать в уныние бывший Председатель Еврокомиссии Р. Проди констатировал тогда по ее поводу, что «многие страны совершенно утратили чувство локтя, теряется и дух европейской солидарности».

**«Эталон интеграции» превращается
в «памятник гордыне»**

Как на основе всего вышеизложенного оценить демонстрационный эффект евроинтеграции для прочих интеграционных проектов и организаций, в особенности постсоветских? В 1990-е годы и вплоть до середины первого десятилетия XXI в. он был сугубо положительным, стимулирующим к вступлению в ЕС либо к заимствованию евросоюзного опыта. О последнем, в частности, мы уже могли получить наглядное представление в ходе анализа результатов опроса экспертов стран СНГ.

Евросоюзная интеграция превратилась тогда в мощный фактор мирового масштаба. Порождаемый деятельностью ЕС демонстрационный эффект для других интеграционных объединений мира стал в эти годы выполнять роль ноу-хау для их собственного развития, побуждал к переносу евросоюзного эталона на их почву. Наиболее в этом отношении показательным евросоюзный опыт был для постсоветского мира. В проектах его реинтеграции влияние ЕС изначально было определяющим. Особенно убедительной для постсоветских стран казалась тогда деятельность ЕС по созданию и функционированию, наряду с межгосударственными (конфедеральными), также и *наднациональных* (федеративных) институтов.

А вот начиная со второй половины первого десятилетия XXI в., когда Евросоюз начал последовательно погружаться в каскад кризисов, ситуация кардинально меняется. Эффективность стратегии и тактики ЕС, его способность адаптироваться к новым условиям, адекватность действий в ответ на вызовы комбинированного глобально-евросоюзного кризиса – все это очень быстро начинает окрашиваться в цвета сомнения и скепсиса, и чем дальше, тем более глубокого. Удивительно, но понадобилось лишь несколько лет, чтобы Евросоюз, вступивший в XXI в., как выше отмечалось, триумфатором, перестал восприниматься в роли мирового эталона интеграции, и очень показательно, что уже в самом начале институционального кризиса ЕС значительно более резонансными стали голоса тех, кто выступает за «Большую Европу без разделительных линий» [4. С. 56].

**Терминологическое «затмение»: треть
жителей Европы – не европейцы?!**

В связи с термином «Большая Европа» есть самая настоятельная необходимость пролить свет на терминологическую практику двух последних десятилетий применительно к понятиям «Европа», «Европейский союз», да и на неотрефлексированные еще в должной степени специалистами особенности их соотношения. Как уже отмечалось, в 80-е – начале 90-х годов векторы общественных процессов в различных частях Европы были противоположны: если Запад шел от успеха к успеху в созидании Европейского союза, то ЦВЕ и Юго-Восточная Европа переживали системный экономический, политический и идейно-духовный кризис, который вскоре, как известно, перерос в коллапс и распад европейского соцлагеря.

В этой ситуации как на Западе, уже успевшем к тому времени привыкнуть к собственной патерналистской роли, так и на погружившемся в своеобразный «комплекс самоненависти» Востоке чуть ли не сама собой рождается идея, согласно которой Евросоюз – не просто «будущее Европы», но это, собственно, и есть сама «Будущая Европа»! Так что уже во 2-й половине 90-х годов отождествление ЕС с Европой получает все более широкое распространение и очень быстро становится для политического класса, масс-медиа, общественности, а затем и для научного сообщества – вполне обычным делом. Сегодня уже сплошь и рядом можно услышать из уст политиков о «европейском выборе» той или иной неевросоюзной европейской страны или прочитать в какой-нибудь научной монографии о «пути в Европу» [2]. Хотя на самом-то деле речь идет как раз о «евросоюзном выборе» и о «пути в Евросоюз»...

Вот тогда и понадобилось понятие «Большая Европа», как термин, охватывающий всю Европу, т. е. и ее *евросоюзную*, и *неевросоюзную* части. Однако, хотя в его основе мы легко можем распознать широко известную идею Ш. де Голля о «Европе от Атлантики до Урала» (в наши дни, впрочем, «шагнувшую» уже и в Зауралье), пользуются им несопоставимо реже.

Так что использование вместо слова «Евросоюз» слова «Европа» выглядит просто недоразумением. Оно, такое использование, могло бы быть хоть как-то оправдано соображениями удобства при устном или письменном изложении разве только в том случае, если бы ЕС по своим параметрам приближался к *собственно Европе*, а ее неевросоюзная часть, соответственно, мало уже влияла бы на общеевропейскую картину. Но ведь этого нет и в помине: 20 больших, средних, небольших и минигосударств Европы, не входящих в Евросоюз, по территории вообще *намного превосходят* ЕС. Конечно, в отношении населения у ЕС налицо преимущество. Однако оно – отнюдь не подавляющее: из 740 млн европейцев (на середину 2011 г.) в ЕС проживают 502 млн (67,8%), тогда как 238 млн, т. е. практически треть всех европейцев, живут в *неевросоюзных* странах [13]. Причем в ближайшее десятилетие эти соотношения вряд ли сколько-нибудь заметно изменятся в пользу ЕС. Ведь, как прогнозируют специалисты, к 2020 г. в Евросоюз будет принята лишь Хорватия «и, возможно, Исландия» [8. С. 45]. По среднесрочному прогнозу, к этому времени совокупное население обеих этих стран будет составлять всего-навсего 4,7 млн чел. [13].

Весьма ошутимое влияние политически мотивированный «терминологический редуционизм» оказывает уже и на научную европеистику. В этом совсем недавно мы смогли убедиться во время работы большой научной конференции по миграционным процессам в ЦВЕ, прошедшей в конце июня 2011 г. в Италии (г. Флоренция) под эгидой Еврокомиссии. Так вот, при открытии конференции один из представителей Польши предложил ее участникам использовать в отношении европейских стран, не входящих в ЕС, термин «периферия Евросоюза». И самым удивительным было то, что никто из участников, представлявших 6 государств, включенных в программу «Восточное партнерство», а также Россию, США, Францию, Италию и Польшу, не выступил по этому поводу с какими-либо возражениями. В такой ситуации автору этих строк пришлось взять слово и изложить свои аргументы в пользу научной некорректности и политической

неуместности предложенного польским коллегой термина. Была, в частности, отмечена нелепость самой постановки вопроса о «периферии», когда речь идет, например, о самой большой по территории и численности населения европейской стране – России, равно как и о государстве, занимающем по территории 2-е место в Европе (после России) – Украине. Тем более, если помнить, что общее население только трех восточнославянских государств – Беларуси, России, Украины – составляет более четверти (26,8%) от общеевропейского, а их территория вообще значительно больше, нежели совокупная территория 27 стран Евросоюза.

Таким образом, из всего вышесказанного вытекает, что широко сегодня практикуемая в отношении 238 миллионов жителей неевросоюзных государств терминологическая «деевропеизация» – географически, цивилизационно-исторически и политически абсолютно некорректна. И, следовательно, ставшее, к сожалению, уже обычным отождествление *части* (Евросоюза) и *целого* (Европы) должно, по всей очевидности, вызывать, как минимум, лишь досадливое недоумение...

Вызовы современности и постсоветская интеграция

Однако то, что недавний интеграционный эталон теперь – «не эталон, а так», вовсе не отменяет того, что интеграция остается и далее будет оставаться одним из главнейших вопросов мировой повестки дня. Рубеж XX и XXI вв. – это время, когда она вообще становится во все большей степени категорическим императивом для всех регионов мира. Почему интеграционными организациями во всех концах света тогда и был так востребован опыт строительства Евросоюза. Сегодня страны, не участвующие в стратегических интеграционных объединениях, даже такие большие, как Россия и Украина, неизбежно теряют и в дальнейшем будут терять свои позиции в международном разделении труда и экономической конкуренции. Как полагают очень многие аналитики, происходящее в условиях глобализации формирование крупных региональных экономических со-

юзов вокруг основных цивилизационных центров современного мира делает ситуацию для отдельно взятых стран практически безальтернативной. Последние либо входят в зону влияния «полюсов» экономической мощи (отчего их экономика выигрывает), «либо маргинализируются» [15. С. 82].

Формально, постсоветское пространство соответствует этим вызовам современности. Об этом говорит наличие в нем ряда интеграционных организаций: Содружество Независимых Государств (СНГ), Единое экономическое пространство (ЕЭП), Евразийское Экономическое Содружество (ЕврАзЭС), Союзное государство Беларуси и России, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), к которым присоединился и созданный в 2010 г. Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России. Но, с другой стороны, какую из них ни возьми, о ней никак не скажешь, что она в достаточной степени плодотворно действует в соответствии с целями, ради которых создавалась. ЕЭП, которое должно было формироваться на принципах и критериях Европейского союза, фактически на следующий год после своего образования (2003 г.) столкнулось с большими трудностями, поскольку Украина, являющаяся одной из стран-основательниц, с 2005 г. фактически перестала участвовать в его формировании.

Созданная еще в 1992 г. ОДКБ проявила неспособность к эффективному миротворчеству и урегулированию конфликтов в государствах, входящих в нее, что особенно наглядно подтверждено трагическими событиями в Киргизии весной 2010 г. На неформальном саммите ОДКБ 20 августа 2010 г. в Ереване, в частности, констатируется, что для прекращения кровавых беспорядков в Кыргызстане, как стране – полноправном члене этой организации, «не был задействован ни один из наработанных механизмов внешнеполитической координации в рамках ОДКБ».

С 2002 г. в фазу затяжного кризиса вступил белорусско-российский союз. Периодически возобновляющиеся между (как регулярно с обеих сторон заявляется) «самыми близкими союзниками» «газовые», «нефтяные», «молочные», «информацион-

ные» войны не могут не свидетельствовать о настоятельной необходимости системной «перезагрузки» белорусско-российского союзного проекта.

Оценивая эффективность интеграции в постсоветском мире, большинство экспертов и политиков указывают на явный дефицит видимых и значимых результатов, способных представить ее в сугубо положительном свете. В частности, в ходе упоминавшегося выше исследования «Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве» наиболее распространенной (при доминирующем, как уже отмечалось, «теоретико-нормативном» подходе) характеристикой степени эффективности интеграции новых независимых государств стали выводы: «все намерения остались на уровне благих пожеланий», «все остается на бумаге, не воплощается», «слов много, дел мало» и пр. [7].

Низкая оценка эффективности текущего интеграционного процесса участниками исследования обуславливалась следующими причинами:

- отсутствие четкого представления государств-участников о собственных *долгосрочных интересах*;
- групповой и индивидуальный эгоизм стран-участниц интеграционного процесса (неготовность или неспособность идти на *согласование интересов*);
- недостаточная *глубина проработки* и продуманность принимаемых интеграционных решений;
- *незащищенность интеграционных образований от использования их в иных целях* (лоббирование, изменение политической конъюнктуры внутри своих государств, давление на партнеров по объединению и пр.);
- *коррупционность чиновников* государственных органов, занимающихся интеграционными проектами;
- чрезмерная *бюрократизация* интеграционных процессов;
- *слабоволие* в реализации принятых интеграционных планов.

При всем том, что установки массового сознания постсоветских стран в преобладающем были и остаются, безусловно, проинтеграционными, их политические институты, гражданское общество, бизнес

(особенно средний и мелкий), экспертные сообщества – до сих пор весьма слабо вовлечены в черновую работу текущей интеграции. На оценке экспертами эффективности интеграции не может не сказываться и несоразмерность результатов интеграционных процессов с наличием большого бюрократического аппарата, ответственного за нее. Например, указывается, что в СНГ существует (по состоянию на 2005 г.) около 70 органов, в которых работает 1500 человек, а активность их фоновая: «Интеграционные структуры не участвуют в интеграции! Они существуют сами для себя» [7].

Плюрализации мира – плюрализм интеграционных проектов

Разразившийся в 2008 г. и до сих пор еще продолжающийся глобальный финансово-экономический кризис, кроме всего прочего, уже обеспечил значительное усиление императивов интеграции в незападных сегментах мира. Прежде всего тем, что он очень сильно ударил по Евросоюзу – наиболее масштабному, самому эшелонированному и амбициозному интеграционному проекту XX – начала XXI вв. Тем более что, по убеждению аналитиков, есть все основания для вывода о том, что и «предстоящее десятилетие будет для ЕС трудным испытанием» [16. С. 23].

Тем не менее ведущими центрами интеграции, вокруг которых по-прежнему сосредоточены основные усилия государств постсоветского пространства, выступают Россия и ЕС. Между ними развернулась достаточно активная конкурентная борьба за масштабы интеграции и сферы влияния.

Лидерами интеграции вокруг России считаются в настоящее время сама Россия, Казахстан и Беларусь, а в наиболее отчетливо выраженной оппозиции к этому объединению выступают Грузия, в меньшей степени Молдова, а также Украина, позиция которой в этом вопросе остается весьма сдержанной и после прихода к власти президента В. Януковича. Большое влияние на процесс интеграции в западном направлении оказывают США, пытаясь переориентировать государства постсоветского пространства на другие центры интеграции: ЕС, НАТО.

Подобно тому, как в последние годы поражения и неудачи США в Латинской Америке и Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе свидетельствовали о военно-политической слабости американо-натовского «боссизма», так и нынешний кризис, выявивший пороки современной западной финансовой системы, дает мощный импульс к дальнейшей *плюрализации путей экономического развития в глобализирующемся мире*. И в данном отношении требование Бразилии перестать относиться к экономике как к мировому казино или призывы Китая, России, Беларуси, Казахстана и других стран отказаться от эксклюзивной роли доллара в мировых финансах – лишь начало. Предложения о серьезной реформе глобальной экономической и финансовой системы в ближайшие годы будут множиться и крепнуть. Думается, дополнительной энергии им придаст и конституирование группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, КНР), произошедшее в разгар мирового кризиса на первом ее саммите в Екатеринбурге в 2009 г. В конце марта 2012 г. в Нью-Дели состоялась уже 4-й саммит международной организации, которая в 2011 г. расширилась за счет включения в ее состав ЮАР.

Таким образом, жестокие финансово-экономические потрясения в источавшем совсем еще недавно завидное самочувствие Евросоюзе не могли не стать ледяным душем для надежд на скорое вступление в него постсоветских новых независимых государств. Их трезвомыслящим экспертам и политикам становится чем дальше, тем более понятно, что потрясения эти, вкупе с имеющейся «очередью» на вступление из более чем 10-ти стран (из коих ни одна не входит в СНГ), отодвигают перспективы их приема в ЕС на 2-3 десятилетия.

Об этом регулярно напоминают и официальные представители государств-членов Евросоюза. Так, с полной определенностью высказался на эту тему в 2007 г. посол Португалии (страны, председательствовавшей в то время в ЕС) в Москве М.М. Курту: «Вопрос о вхождении (России. – *Ред.*) в Европейский союз не ставится». Вместо этого посол предложил «этой великой гордой стране» удовлетвориться «общим простран-

ством близости, как в географическом смысле, так и в плане цивилизаций» [17. С. 20]. Яснее, пожалуй, и не скажешь.

Случайно или нет, но в том же номере журнала «Советская Европа», сразу вслед за статьей португальского посла, опубликована и статья культуролога (и бывшего министра культуры РФ) Е. Сидорова. В ней указанный автор использовал образ «демократического поезда», который мог бы доставить Россию в «Соединенные Штаты Европы» [18. С. 22]. Так вот, если продолжить этот образ, то упомянутый, фигурально выражаясь, чиновник «Еврокасс» ясным языком объясняет: «Билеты на поезд в Брюссель по списку... но России в нем нет! Думается, что, не говоря уже о РФ (пугающей Евросоюз своими размерами), другие новые независимые государства раньше, чем через 20–25 лет, шансов попасть в этот «список» также не имеют. Даже Украина, у которой после победы «оранжевой революции» особенно велики были надежды, что наградой Запада станет ускорение принятия ее в Евросоюз. Но именно с этой точки зрения, победа оказалась «пирровой». Украина на пути в ЕС стала заложницей острейшего внутрисоюзного конфликта: раньше балканских стран и Турции принять ее невозможно («очередь»), а вопрос о приеме Турции вполне определенно вызовет в ЕС еще более глубокий раскол, чем переживаемый сегодня.

Подытоживая, *volens-nolens* приходится признать, что признаков, свидетельствующих о сколько-нибудь существенном отходе руководящих органов ЕС от примата политики и «нормативной» идеологии в отношениях с Россией, Беларусью, Украиной и другими странами Содружества, пока нет и появление их в ближайшие годы маловероятно. Поэтому политико-идеологические «знаки», ограничивающие движение на «дороге СНГ – Евросоюз», еще долго не будут сняты, что по-прежнему очень существенно будет сдерживать развитие равноправных взаимовыгодных отношений наших стран с ЕС.

Вывод из этого напрашивается сам собой: использовать евросоюзные *noу хау* для интеграционного «обустройства» постсоветского пространства. Избегая при этом,

конечно же, тех судьбоносных роковых ошибок самого ЕС, которые выше здесь анализировались уже в разных ракурсах.

XXI век: экономическая субъектность стран или интеграционных союзов?

Одно из очевидных проявлений и последствий комбинированного глобально-евросоюзного кризиса – укрепление позиций сторонников сохранения экономико-политической *субъектности*, причем как отдельно взятых стран, так и интеграционных союзов. Ряды тех, кто так или иначе оспаривает «глобально-интеграционный детерминизм», особенно заметно расширились в наиболее крупных странах. Таких, в частности, как Россия и Украина. Их позиции варьируются в довольно большом диапазоне, от бескомпромиссного, неконструктивного изоляционизма до умеренно-прагматичного, вполне допускающего взаимовыгодное сотрудничество с различными интеграционными группировками, *но без формального вступления в них*. Второй вариант, на наш взгляд, наиболее логично и убедительно сформулирован российским экономистом В. Федоровым.

На примере отношений России с Евросоюзом, В. Федоров считает, что, в принципе, отношения эти развиваются пусть медленно и не без противоречий, но в естественном направлении, т. е. идут к созданию общего европейского экономического пространства с Европейским союзом. Но, с другой стороны, отмечает он, между Россией и ЕС давно уже существует асимметрия намерений (берущая начало еще с советских времен), которая сегодня выражается в стратегии «ограниченного допуска РФ в Европу, или умеренной ее изоляции». Это и другие обстоятельства – громадные природные богатства, стратегические государственные интересы и геополитическое положение страны, являющейся самой большой по территории одновременно и в Европе, и в Азии, предопределяют для России, по убеждению В. Федорова, роль «рачетливого актора», располагающего свободой маневра в обеих «родных» частях света и ведущего свою политику в соответствии с принципом «без друзей и без врагов» [19. С. 30; 20. С. 253, 353, 363].

Украинский экономист О. Яременко, ссылаясь на острейшие проблемы, испытываемые еврозоной в условиях нынешнего кризиса, делает вывод, что они являются результатом отказа от монетарного суверенитета тех стран, которые перешли на единую коллективную валюту – евро. Обращаясь к участникам российско-украинского «круглого стола», он доказывал, что «экономика, построенная на принципе субъектности, допускает гораздо более высокий уровень неопределенности без разрушения», ибо ей присущи более высокая степень ответственности за результаты хозяйствования и большая экономическая свобода. Согласно итоговому выводу украинского ученого, национальные суверенитеты вообще, а «экономический и монетарный в частности представляют собой несущую конструкцию глобальной системы» [21. С. 49–50].

Другая (куда более многочисленная) группа специалистов сохранения политико-экономической субъектности в глобализирующемся мире видит возможным только в составе интеграционных объединений. Так, российские экономисты Н. Шмелев, Р. Гринберг, А. Быков с полной определенностью говорят об этом применительно к постсоветскому пространству.

Резоны их следующие. Новые независимые государства в недавнем прошлом составляли единое государство «с единым народнохозяйственным комплексом», и их экономики по-прежнему еще взаимно дополняют друг друга [26. С. 12]. Усилившееся под влиянием глобально-евросоюзного кризиса взаимопроникновение их экономик должно стимулировать «самоорганизацию постсоветского пространства на новой технологической базе», без чего существует реальная угроза, что и Россия, и другие постсоветские государства «утратят субъектность» и станут объектом других, более мощных экономических игроков [22. С. 8; 23. С. 48–50; 24. С. 13; 25. С. 40; 26. С. 10–11].

Итак, налицо две принципиальные позиции. Одна, заметно укрепившаяся в ходе нынешнего мирового кризиса, допускает сохранение политико-экономической субъектности *отдельно взятыми странами*. Другая исходит из того, что субъектность последние могут сохранить и укрепить лишь при их

участии в *интеграционных союзах* – акторах международного разделения труда.

Степень реалистичности обеих позиций проверим при помощи примеров, относящихся к Беларуси и России – партнерам по «Союзному государству». Они, кроме того, вместе входят в еще 5 постсоветских интеграционных объединений – СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭП, Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России.

Начнем с Беларуси. Известный российский экономист Р. Гринберг, выступая осенью 2009 г. на белорусско-российском «круглом столе», назвал Беларусь «очень серьезным резервом, который может быть включен в процесс самоорганизации постсоветского пространства на новой технологической основе». По его мнению, на фоне общей экономической демодернизации постсоветского пространства Беларусь выглядит наиболее развитым государством «с точки зрения вовлечения многих сотен тысяч людей в создание конечной продукции» [25. С. 40].

В некотором смысле это так. Но, с другой стороны, как подчеркивает В. Шимов, никак нельзя забывать о «значительном и застарелом дисбалансе в структуре промышленности» Беларуси, о «ее давнем технологическом отставании» [27. С. 5]. Ведь, отмечает он далее, совокупная доля продукции V и VI технологических укладов в ее экономике составляет не более 10%, тогда как в странах-лидерах мирового научно-технического прогресса «она колеблется в диапазоне 50–70%» [27. С. 15].

Жесткость императивов «догоняющей модернизации», равно как и масштабы проблем, связанных с продолжающимся мировым кризисом, свидетельствуют о заведомой недостаточности одних только внутренних ресурсов Беларуси. Требуется, в частности, как формулирует В. Шимов, вдохнуть новую жизнь в совместные программы Союзного государства Беларуси и России, создавать совместные предприятия, сборочные производства за рубежом, холдинги, транснациональные корпорации в рамках как Союзного государства, так и ЕврАзЭС и СНГ [28. С. 10].

Теперь, что касается России. Она, конечно, неизмеримо больше Беларуси и по

населению, и особенно по территории. Однако, будучи самой большой по территории страной одновременно и в Европе, и в Азии, она со своим 140-миллионным населением все же не может успешно развиваться вне интеграционных союзов. Как резонно замечает российский ученый А. Быков «нам пора, наконец, учесть, что мы уже 20 лет отнюдь не сверхдержава, а лишь относительно более богатый партнер, способный тратиться на союз...» с новыми независимыми государствами бывшего СССР [23. С. 49]. Без такого союза, уверен Р. Гринберг, Россия не сможет осуществить модернизацию и, «значит, гарантированно скатится в мировое технологическое захолустье» [22. С. 8, 10].

Второе, что не сможет сделать Россия без совместной программы действий с Беларусью, Казахстаном и другими своими ближайшими партнерами, – это превратить российский рубль в региональную и резервную валюту. Эту роль, на взгляд А. Быкова, российский рубль сможет играть лишь в случае, если СНГ станет действенным интеграционным объединением [26. С. 10].

Третье. Без эффективного процесса интеграции постсоветского мира сохранятся и нынешние *военно-политические риски* для России и других государств экс-СССР. Можно не сомневаться, что администрация США, вместе с НАТО, *параллельно с шагами навстречу* России будет и впредь использовать россиефобские настроения (прежде всего лидеров «новой» Европы) для дальнейшего продвижения своих военных баз, под самыми благовидными, конечно, предлогами, в сторону РФ и ее союзников.

Четвертое. В интеграционном союзе существенно смягчились бы и демографические опасности для России. Совершенно очевидно, что низкий показатель средней плотности населения в России – 8 чел. на кв. км – будет, чем дальше, тем больше провоцировать в ряде стран представления об «избытке» территории в ней, что сделает ее земли «предметом вожделения» [20. С. 29–30]. Втягивание же в интеграционный процесс хотя бы Беларуси (плотность – 47 чел. на кв. км) и Украины (76 чел. на кв. км) – уже немало способствовало бы снижению остроты этой проблемы. Особен-

но в связи с тем, что между народами этих 3-х стран – очень маленькая, как мы знаем, духовно-культурная дистанция. И это – самый выигрышный фактор для населения всех их вместе и каждой в отдельности.

В кардинально изменившихся в результате глобально-евросоюзного кризиса условиях Российская Федерация должна выступить инициатором ускорения и углубления интеграции постсоветского мира. Ибо Россия, будучи в свое время «первой среди равных» союзных республик, стала после распада СССР его правопреемницей в международно-правовом плане. Уже по этой причине, равно как по численности населения, громадной территории, а также природно-экономическому потенциалу – ей принадлежит особая роль в интеграции огромного пространства бывшего Советского Союза. Ведь, как справедливо отмечает академик Н. Шмелев, «вековые цивилизационные, исторические, чисто человеческие связи, а в некоторых областях не только традиционные рынки сбыта, но и еще сохранившиеся потребности в производственной кооперации – все это имеет собственную логику развития. И после почти двадцати лет испытания на разрыв многое сегодня говорит, скорее, не о разрыве, а о намечающемся новом сближении» [24. С. 13].

«Локомотивы» интеграции требуются всюду

Практика построения в различных частях света стратегических интеграционных объединений свидетельствует о следующем. Крупная страна, заинтересованная по экономическим либо геополитическим соображениям в продвижении своих товаров и капиталов, как и в усилении собственного политического влияния, берет на себя роль инициатора, предлагает своим менее мощным соседям систему предпочтений по старому как мир принципу «do ut des» (даю, чтобы и ты дал мне). Так поступают США по отношению к своим партнерам по НАФТА – Канаде и Мексике; КНР – к участникам Шанхайской организации сотрудничества (ШОС); Германия и Франция – к менее развитым государствам-членам ЕС.

Понятно, что и Россия в данном отношении – не исключение: ведь поскольку

ей больше дано, то с нее и больший спрос. Как пишет выражающий позицию реалистически мыслящей части российского экспертного сообщества академик Н. Шмелев в этой связи, «России ... следовало бы отказать от некоторых иллюзий и признать, что роль определенного донора и в Таможенном союзе России, Беларуси, Казахстана, и в более широких постсоветских интеграционных образованиях для нее неизбежна» [24. С. 14]. Вот почему Россия, «не становясь в позу командира и не защищая безоглядно интересы ... олигархов, готовых все ценное скупить по выгодным для них ценам», и должна играть в интеграции постсоветского пространства роль, так сказать, «первого среди равных» [23. С. 48–49].

Подсветим также эту деликатную проблему и опытом Евросоюза, поскольку последний давно уже выработал образцы наиболее деликатных внутрисоюзных отношений стран, весьма отличающихся по уровню развития. Напомним, в частности, что Германия и Франция выделяют на период до 2013 г. 137 млрд евро (!) в интеграционный фонд на ускоренное развитие более слабых членов ЕС [2. С. 311].

На другом полюсе – получатели этих крупных «подъемных» средств, в основном из группы принятых в 2004–2007 гг. 12 новых членов. Из них самые большие суммы приходятся на Польшу – 65 млрд, Румынию – 25, Венгрию – 24, Чехию – 22 млрд евро, страны Балтии, совокупное население которых составляет всего лишь 7 млн чел., – 15,1 млрд евро [2. С. 311]. Причем столь впечатляющие дотации из бюджета ЕС – это далеко не вся получаемая менее развитыми членами Союза помощь. В частности, для борьбы с последствиями нынешнего мирового кризиса ЕБРР, МВФ и Всемирный банк выделили экстренную помощь Венгрии и Румынии в размере 20 млрд евро каждой, а Латвии – 7,5 млрд [1. С. 55].

И вот, «бедные родственники» Евросоюза, получая от «локомотивов» ЕС такие колоссальные средства, просят еще. Причем просят требовательно. А что «локомотивы»? Несложно представить, как ответило бы в подобном случае «настырным нахлебникам» руководство России. Но к языку ультиматумов, «последних предуп-

реждений» и т. п. не прибегали не только осторожная и тактичная А. Меркель, но и далеко не всегда дипломатичный, вспыльчивый Н. Саркози. Даже в ситуации, когда «несгибаемые евроскептики» – чешский президент В. Клаус и покойный президент Польши Л. Качиньский буквально выкручивали большинству ЕС руки накануне ратификации Лиссабонской мини-конституции! Совсем ведь еще недавно казалось, что чувство «естественного превосходства» больших государств перед малыми вообще уже *вышло* из внутрисоюзного употребления в ЕС. Правда, на примере реагирования «исправных» партнеров ЕС на «греческую», «иберийскую» или «итальянскую» драмы оказывается, что все-таки еще не «вышло». Но вряд ли даже сегодня возможно представить, чтобы превосходящая Люксембург в 183 раза (!) Германия разговаривала с ним языком ультиматумов или дурно пахнущих кампаний в массмедиа.

Императивы для постсоветского мира

На мой взгляд, властным элитам новых независимых государств пришло время принять к употреблению в их взаимоотношениях наработанную десятилетиями евросоюзную культуру деликатности и компромисса. Это автоматически обеспечило бы более успешное осуществление интеграционных проектов и начинаний. Ведь уже к началу XXI в. руководящие элиты СНГ в значительной степени распрощались с первоначальными иллюзиями относительно того, что Запад решит проблемы их стран. Вот почему развитие интеграции в рамках СНГ явилось бы адекватным ответом государств Содружества на глобальные вызовы современности.

Кроме того, глубокая и разносторонняя интеграция явилась бы также адекватным средством преодоления процессов постсоветской демодернизации, общей тенденции к «цивилизационному регрессу» и «третьемиризации» российского, белорусского, украинского и других обществ – наследников СССР [29. С. 549]. Ведь процессы эти пока еще не смогли «перекодировать» системные, фундаментальные характеристики социумов, так или иначе уже модернизированных совет-

ской цивилизацией. Ведь по-прежнему Россию и другие постсоветские государства от стран Третьего мира отличает более высокий уровень урбанизированности, грамотность подавляющего большинства населения, как качественные, так и количественные показатели уровня высшего образования и науки, относительно развитая промышленная инфраструктура [30. С. 29].

По-прежнему, несмотря даже на весьма ощутимые потери 1990-х годов, дает о себе знать «тотальная сциентизация и большой пиетет перед образованием», имевшие место в советском обществе [31. С. 119]. Равно как и реальным дифференцирующим фактором пока остается «наличие больших групп населения, профессионально подготовленных к научной и инженерной деятельности», высокое качество инженеров, конструкторов и ученых [32. С. 56; 33. С. 43; 34. С. 17].

Данные характеристики, а именно: 1) сильная урбанизированность, прежде всего европейских экс-советских республик, делающая крупные города все более похожими на мегаполисы Запада; 2) высокий уровень образования, науки и культуры; 3) современная социальная структура; 4) открытость общественного сознания мировым влияниям; 5) доминирующая его секуляризованность – как раз и позволяют некоторым западным аналитикам оспаривать, например, цивилизационный детерминизм (если не фатализм) С. Хантингтона и, вопреки всем «свинцовым мерзостям» постсоветской повседневности, обосновывать свою уверенность в неизбежном присоединении России и других новых независимых государств к «постсовременным сообществам» [35. С. 8, 9, 11 и др.; 36. С. 28, 29, 32].

* * *

Думается, что прогнозы и пророчества конца СНГ, так часто высказывавшиеся до начала глобально-евросоюзного кризиса, кроме всего прочего основывались на сознательном или бессознательном приписывании ему свойств *федерации*, которая, конечно, *неприемлема* для членов Содружества в виду ее неизбежной «россиецентричности». Но СНГ – конфедерация, которая не просто может, а *вынуждена будет существовать и развиваться как раз по*

причине глубокого кризиса ЕС, парадоксальным образом расширившим горизонты постсоветской интеграции.

На интеграцию стран постсоветского мира во все большей степени начинают работать факторы их общей истории, сходство менталитета, сохранившиеся еще в достаточной мере общие культурно цивилизационные «коды». Сегодня в гораздо большей мере, чем 10–15 лет назад, и представителями властвующих элит Содружества, и рядовыми гражданами осознается, что, как очень удачно это выразил Н. Шмелев, «слишком многое и слишком долго связывало все эти страны, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого «постсоветского развода как исторически кратковременного замешательства» [37. С.18]. В этом принципиальная разница между нынешним временем и эпохой перестройки и коллапса Советского Союза.

С каждым днем становится все более очевидно, что в постсовременности *все дороги к месту под экономическим солнцем идут через интеграцию*.

Страны – участницы постсоветских интеграционных объединений на своих саммитах регулярно декларируют стратегическую значимость этих объединений для ускоренного развития их экономик *в настоящем и, тем более, в будущем*. Этапными в этом отношении следует считать, во-первых, подписание 18 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге 8-ю странами СНГ договора о зоне свободной торговли. Во-вторых – амбициозный план В. Путина по созданию Евразийского экономического союза. А Лукашенко в своей статье в «Известиях» энергично поддержал этот план и, развивая его, высказался за «интеграцию интеграций» [38].

Успешное экономическое развитие постсоветского мира в большей степени зависит уже не от целеполагающей деятельности правительств стран, желающих интегрироваться, а от создания в нем свободного рынка капиталов, рабочей силы, товаров и услуг, формирования благоприятного инвестиционного климата, равно как и от декриминализации их экономик, искоренения чиновничьего произвола, правовой защищенности акторов интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борко Ю.А. От Евросоюза – I к Евросоюзу – II (ЕС в конце первого десятилетия XXI века) // Белорусский экономический журнал. 2010. № 2.
2. Иршеев Б. Путь в Европу. Евросоюз: опыт интеграционной модели (эволюция, ценности и проблемы). Алматы, 2009.
3. Тренин Д. Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. № 1.
4. Кортунов С. Россия: не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. Т. 3. № 5. Сент.–окт. 2005.
5. Косикова Л. Несостоявшаяся интеграция, или почему России не удастся объединить страны СНГ // Мир перемен. 2004. № 1.
6. Фурман Д. Россия, СНГ, ЕС // Мир перемен. 2004. № 3.
7. <http://www.kreml.org/other/90622116>
8. Борко Ю.А. Евросоюз: возможные сценарии развития // Евросоюз: новые проблемы, решения, перспективы. Ч. II. Россия и Евросоюз: сложное сотрудничество [под ред. В.П. Федорова (отв. ред.) и др.]. М.: Ин-т Европы РАН, 2010.
9. Федоров В.П. Рост без развития // Современная Европа. 2006. № 2.
10. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001.
11. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.
12. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003.
13. <http://demoscope.ru/weekly/app/world2011.xls>
14. <http://ru.euronews.net/2011/07/19/crisis-in-the-euro-zone-the-french-connection/>
15. Сорокин Д. Цивилизационные измерения социально-экономической эволюции России // Вызовы XXI века. Альманах. Вып. II. Общественные сдвиги и цивилизации. М., 2006.
16. Борко Ю.А. От Евросоюза – I к Евросоюзу – II (ЕС в конце первого десятилетия XXI века) // Белорусский экономический журнал. 2010. № 3.
17. Курту М.М. Россия и ЕС: интеграция в европейскую семью // Современная Европа. 2007. № 1.
18. Сидоров Е. Россия о России // Современная Европа. 2007. № 1.
19. Федоров В.П. Крушение Европы? (Один из возможных сценариев будущего). М., 2005.
20. Федоров В.П. Россия: внутренние и внешние опасности. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.
21. Сотрудничество России и Украины в валютной и финансовой сферах (заседание за «круглым столом») // Мир перемен. 2010. № 3.
22. Гринберг Р.С. Глобальный экономический кризис и модернизация России // Белорусский экономический журнал. 2011. № 1.
23. Быков А.Н. Что сулит нам посткризисный мир? // Мир перемен. 2011. № 1.
24. Шмелев Н.П. Модернизация и международные интересы России // Современная Европа. 2010. № 4.
25. Белорусско-российский «круглый стол»: «Мир до и после кризиса» // Белорусский экономический журнал. 2009. № 4.
26. Быков А.Н. Кризис финансовой глобализации и уроки для России и СНГ // Белорусский экономический журнал. 2009. № 4.
27. Шимов В.Н. Теоретические и практические аспекты структурной трансформации экономики Беларуси: посткризисный контекст // Белорусский экономический журнал. 2009. № 2.
28. Шимов В.Н. Мировой финансово-экономический кризис: негативные последствия для Беларуси и пути их преодоления // Белорусский экономический журнал. 2009. № 2.
29. Кандель П.Е. Россия – СНГ: баланс центробежных и центростремительных тенденций // Европа: вчера, сегодня, завтра. 2002.
30. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М., 1998.
31. Водопьянова Е.В. Европа и Россия на карте мировой науки. М., 2002.
32. Кудров В.М. Экономика «Трех Европ» на подъеме (Сопоставительный анализ). М., 2005.
33. Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
34. Тренин Д. Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. № 1.
35. Таршиц Д. Русские корни российской демократии // Вестник Московской школы политических исследований. 2000. № 15.
37. Коужер К. Постсовременный мир и Россия // Вестник Московской школы политических исследований. 2000. № 15.
37. Шмелев Н.П. Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего // Современная Европа. 2006. № 1.
38. Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 окт.

Материал поступил 9.02.2012 г.